

Oxford University Press, 2017). 497 pp., ill. Index // *Ab imperio*. 2017. № 4. С. 302).

³ «Writers of the French Enlightenment were coming to regard Russia and its empire as “uncivilized”» (*Kollmann N. Sh. The Russian Empire... P. 451*).

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV — первая половина XVI века. СПб., 2006. С. 446.

⁵ *Кром М.М.* Рец. на: Nancy Shields Kollmann... С. 295–296. Ср.: *Kollmann N. Sh. The Russian Empire... P. 55*.

⁶ *Ostrowski D. The End of Muscovy: The Case for Circa 1800 // Slavic Review. Vol. 69. 2010. № 2. P. 427–438.*

⁷ *Ленин В.И.* Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // *Ленин В.И. ПСС. Т. 17. М., 1968. С. 346.*

⁸ *Юшков С.В.* К вопросу о сословно-представительной монархии в России // *Советское государство и право. 1950. № 10. С. 39–51.*

⁹ *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

¹⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 6ж, кн. 286, л. 208 об. — 209.

¹¹ *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 23.

Николай Мининков

Рец. на: Южный и юго-восточный фронт России в XVI–XVIII веках: очерки истории. Коллективная монография. Ростов н/Д: Альтаир, 2024. 864 с., ил., карты

Nikolay Mininkov

(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Rec. ad op.: Yuzhnyi i yugo-vostochnyi frontier Rossii v XVI–XVIII vekah: ocherki istorii. Kollektivnaia monografia. Rostov-on-Don, 2024

DOI: 10.31857/S2949124X24060261, EDN: RJWNV1

Монография, созданная группой известных историков из Тамбова, Воронежа, Ельца, Белгорода, Самары, Саранска и Уфы, посвящена актуальным проблемам современной отечественной исторической науки. Одной из них является история формирования территории России, её развития и закрепления в политическом пространстве государства. Другая заключается в раскрытии содержания понятия «фронт». В настоящее время это понятие уже достаточно известно в российской историографии, хотя полной ясности относительно его характерных признаков по-прежнему нет. В предисловии и пяти главах монографии также рассматриваются формирование и развитие отдельных территорий и анализируются

региональные особенности южной и юго-восточной окраин страны. В качестве метода исследования применяется междисциплинарный анализ с использованием данных исторической географии, экономической и социальной истории, новой локальной истории и микроистории, а также математических методов.

В предисловии значительное внимание уделено характеристике термина «фронт». На этом основано теоретическое обоснование положений и выводов исследования. Это необходимо, поскольку данное понятие не только сложно и включает в себя разные качественные элементы, но и не всегда признаётся в качестве категории, с необходимой точностью описывающей ситуацию в зоне межнациональных

и межкультурных контактов. Не вполне ясно, какие возможности открывает введение данной категории по сравнению с традиционным для трудов русских дореволюционных и советских историков понятием «колонизация». В самом деле, сформулированная авторами общая характеристика фронта очень напоминает понимание окраинных и примыкающих к Московскому государству и Российской империи земель как объектов освоения. При этом выделены существенные детали, вносящие некоторые новые смыслы по сравнению с терминами «колонизация» или «окраинная территория». Прежде всего, они касаются положения на этих землях населения. В частности, подчёркивается, что последнее находится на более низкой стадии развития по сравнению с метрополией и подвержено постоянной военной опасности (с. 21). Такое утверждение вносит определённую ясность в рассуждения о сравнительном уровне развития метрополий и окраинных, фронтирных регионов.

В советской историографии в отдельных случаях допускалась несколько иная оценка. Так, в период распространения теории торгового капитализма в области Войска Донского, обладавшей в 1660–1670-х гг. всеми признаками фронта, отмечалось существование торгово-капиталистических отношений, развитых не менее, чем в метрополии, но со своими социокультурными особенностями. По словам Н.Л. Янчевского, на Дону «атаманы и “старшина” сражались с торговым капиталом, олицетворяя в своём лице наёмных солдат, грабителей и капиталистов»¹. Также признаками фронта обладали земли Яицкого казачьего войска в период восстания Е. Пугачёва, где, как отмечал В.В. Мавродин, «на месте старого казацкого строя... утверждалась причудливая амальгама возникающих

буржуазных отношений и крепостнических порядков времени “просвещённой” Екатерины II»². По уровню развития фронтирные территории безусловно отставали от метрополии, однако следует иметь в виду, что внутреннее положение здесь не только препятствовало развитию, но и создавало определённые возможности для него; население в большей степени ощущало степень развития личных свобод, чем в центре государства. Это создавало стимулы для экономической активности.

Авторы правомерно отметили многообразие фронтирных территорий и выделили особенности фронта на юге и юго-востоке России в XVI–XVIII вв. по сравнению с другими подобными зонами – сибирской, донской, северо-кавказской. Однако желательно было бы обратить внимание на роль здесь татарского и ногайского населения. Во всяком случае, едва ли правильно недооценивать возможности и способности кочевых народов в освоении земель в соответствии со спецификой их традиционного образа жизни (с. 23). Ещё в конце XIV в., по сведениям из описания путешествия Московского митрополита Пимена в Царьград, татары, проживавшие по Дону, имели высокоразвитое скотоводческое хозяйство. Такие же сведения о татарах на Нижнем Дону во второй четверти XV в. сообщал И. Барбаро, долго находившийся в Тане. На Нижней Волге – юго-восточном фронтире России – располагалась орда Больших Ногаев, занимавшихся кочевым скотоводством, однако это не означает, что они не осваивали эти территории.

Пять глав, составляющих содержание монографии, выстроены на основе сочетания логического и исторического методов. Первая глава посвящена формированию и изменениям южного и юго-восточного фронта, вторая рассказывает об

оборонительных сооружений в пределах этих двух территорий как метода их закрепления за государством. Третья глава затрагивает вопросы хозяйственной, социальной и культурной истории южного фронта. Особенности поведенческих моделей населения рассматриваются в четвёртой главе, а последняя, пятая, содержит анализ основных направлений развития территории южного пограничья в свете современной фрактальной теории. Логичность такой структуры очевидна. Она соответствует поставленной проблеме и позволяет рассмотреть её в комплексном развитии.

В рассматриваемой монографии чётко выделены хронология и характерные признаки складывания территории южного и юго-восточного фронта. К наиболее заметным особенностям относится ситуация на Волге в XVI–XVII вв., когда грабежи купеческих судов со стороны казаков затрудняли работу формировавшегося торгового пути к Астрахани и в Персию. Это отмечали ещё английский путешественник XVI в. А. Дженкинсон³, а для времени царствования Михаила Фёдоровича — А. Олеарий⁴, причём в 1637 г. астраханские стрельцы разгромили целую базу воровских казаков на Кулалинском острове в Каспийском море⁵. Подобные обстоятельства составляли специфику южной и юго-восточной окраин, и только со времени Петра I, когда государство укрепило позиции в регионе, такое положение вещей, тормозившее развитие Поволжья и страны в целом, ушло в прошлое. Представляет интерес характеристика мордвы, которая, как убедительно показано в книге, играла весьма заметную роль в освоении этих земель. Вывод может быть дополнен анализом роли мешчерских татар, которые находились на службе московского царя⁶ и хорошо знали путь вниз по Дону, нередко вы-

ступали в качестве проводников для русских и турецких посольств до Азова и внесли свой вклад в формирование в XVI в. донского казачества.

В качестве главного способа закрепления за Московским государством южных и юго-восточных территорий авторы выделили строительство оборонительных сооружений в виде засечных черт и укрепленных линий. Они отметили, что организация обороны стала необходимой предпосылкой для хозяйственного освоения, которое происходило в ходе постепенного превращения крепостей в города. При неопределённости этого понятия в современной историографии, в книге город рассматривается традиционно — как центр ремесла и торговли, что не вызывает сомнения (с. 313). Важнейшим признаком перехода от крепости к городу было увеличение численности торгово-ремесленного населения и преобладание его над служилыми людьми, или появление сколько-нибудь значительного посада. Такой переход на территории южного и юго-восточного фронта датирован в монографии XVII в. В отечественной историографии чёткого разделения по времени существования крепости и посада ранее не приводилось. Так, С.Ф. Платонов видел разницу между «сравнительно большими» городами XVI в. и небольшими, вроде Венёва, Белёва или Путивля, вокруг которых появлялись посадские общины⁷. М.Н. Тихомиров указывал на появление во второй половине XVI в. новых городов, в том числе Воронежа, Ельца, Белгорода⁸. В самом деле, в XVII в. на южной окраине государства уже существовали городские поселения с развитыми посадскими общинами; возникали подробно освещённые В.Н. Глазьевым на примере Воронежа сложности во взаимоотношениях между местными властями и горожанами⁹. По существу, в мо-

нографии отражён один из вариантов решения сложной проблемы возникновения города. С этим есть основания согласиться с учётом того, что последние могли рождаться и иным путём, когда торгово-ремесленное поселение развивалось одновременно с крепостью. Например, в 1762 г., крепость Св. Дмитрия Ростовского на Нижнем Дону создавалась синхронно с примыкающим к ней торгово-промышленным поселением. Впрочем, в монографии допускается характеристика ряда южных крепостей конца XVI в. как городов (с. 464) или городов-крепостей, разных по величине и оборонительным возможностям, в том числе и частновладельческих городов и крепостей-острогов.

Авторы книги обратили внимание и на особенности положения Башкирии, поскольку эти земли были не только территорией пёстрого этнического расселения и религиозного разнообразия, но и местом постоянных народных выступлений, позднейшее из которых совпало с движением под предводительством Пугачёва. В этой связи вызывает интерес деятельность отдельных видных представителей государственной администрации, в частности И.К. Кирилова и И.И. Неплюева. Отмечены геополитические амбиции и авантюризм Кирилова, организовавшего для открытия нового торгового пути в Индию экспедицию, спровоцировавшую очередное башкирское восстание (с. 446).

Новым направлением исследований в настоящее время становится история формирования и развития поведенческих моделей разных слоёв населения. В рассматриваемой монографии сделан чёткий вывод о том, что в условиях фронта власть не имела возможности управлять исключительно с помощью бюрократии, без активного привлечения местных жителей (с. 490). Это вполне согла-

суется с заключением относительно сибирского фронта, где в XVII в. ситуация была, возможно, ещё более сложной ввиду его отдалённости. Особенно остро противоречия между воеводской властью и мирскими сообществами здесь проявились во время Томского восстания 1648–1649 гг.¹⁰

Интересен анализ моделей поведения населения южного и юго-восточного фронта, служилых и посадских людей, крестьянства, групповых и семейных отношений. Отклонение местного общества от общепринятых норм обуславливалось наличием здесь массы «молодых инициативных людей» из числа переселенцев, которые находились в состоянии «определённой свободы» и не знали традиций местных жителей (с. 499). Несомненно, что внимание к этому весьма распространённому феномену общественных и межличностных коммуникаций будет способствовать его углублённому исследованию, тем более что в источниках имеется немало указаний на подобные явления. В монографии отмечена значительная роль на южном фронте черкас — при всех сложностях их отношений с центральной властью, а также затронута проблема девиантного, не соответствовавшего сану поведения духовенства (с. 708).

Особое место в книге занимает последняя глава, представляющая собой яркий пример использования в историческом исследовании математических методов. Подобные подходы после выхода работ И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова уже неоднократно применялись. В монографии разрабатывается особая модель изучения динамики развития южного фронта с опорой на методы фрактальной геометрии, вызывающие в последнее время повышенный интерес в дисциплинах социально-гуманитарного цикла. К важнейшим понятиям этого метода относится подобие, на которое

такое исследование опирается. Что же касается методов фрактального исследования применительно к территории южного фронта, то они направлены на исследование постепенного процесса уподобления этой территории метрополии, обеспечивавшей такого рода зоны людскими и материальными ресурсами в течение XVI–XIX вв.

Ещё одним важнейшим понятием рассматриваемого исследования является «русский мир» (с. 735). Как представляется, в условиях широкого распространения этого термина в ненаучных, публицистических целях было бы желательно предложить его академическое определение. Во всяком случае, оно является исключительно сложным: должно включать в себя комплекс экономических и социокультурных признаков и учитывать психологию и ментальность общества, ставшие результатом длительного исторического развития. Такое определение помогло бы выявить качественные отличия в положении на территориях «русского мира» и фронтирных зон.

Данное исследование предполагает необходимость учёта множества факторов, в том числе с очевидной противоположной направленностью, например, заселение и запустение, русификация и дерусификация, уход и расселение соседей (с. 739) и т.п. К их числу принадлежит и сохранение своеобразия нерусского населения после крещения или появление при Екатерине II немецких колонистов (с. 747). К этому можно добавить специфику уклада донского казачества, поскольку Область Войска Донского находилась в южной фронтирной зоне, а большая часть казаков в XVIII – начале XX в. считали себя особым этносом. Это относится и к сложностям, возникавшим вследствие «нежелания местного населения, в том числе части служилых людей», подчиняться «московской метрополии» (с. 821).

Интересным результатом сравнительного изучения положения разных зон южного фронта является таблица степени включённости административных единиц Российской империи в общегосударственное экономическое и культурное пространство середины XVIII в., в которой коэффициенты различались от 1 в Тульской губ. до 0,5 на Дону (с. 760). Очевидно, что наиболее сложная часть вычисления степени уподобления фронтирных территорий – расчёт влияния «управляющих факторов». Привлекает внимание и опыт кластерного анализа в выявлении степени сходства поселений на протяжении XVII–XIX вв., позволяющий проследить процесс присоединения к России южной и юго-восточной окраины и их постепенного включения во внутреннюю жизнь государства. Монография показывает перспективность подобных работ и возможность с их помощью дать чёткое понимание характера и особенностей изучаемых явлений с опорой на современную модель исследования фронтиров в русской истории, в том числе с применением методов фрактальной геометрии.

Примечания

¹ Янчевский Н.Л. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930. С. 167.

² Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачёва. Л., 1961. С. 508.

³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2006. С. 205–206.

⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 309, 310, 330, 225, 336.

⁵ РГАДА, ф. 127, д. 1 (1638 г.), л. 55–56.

⁶ Рахмидзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 156.

⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 72.

⁸ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 422.

⁹ Глазьев В.Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веках. Воронеж, 2018. С. 82–89, 112–138.

¹⁰ Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 370–371.

Анна Комзолова

Рец. на: Журналы Комитета западных губерний / Изд. подгот. Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидов, Д.Н. Шилов. Т. 1. 1831–1835 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 848 с.; Т. 2. 1836–1840 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 800 с.

Anna Komzolova

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: Zhurnaly Komiteta zapadnykh guberniy. Vol. 1–2. Saint Petersburg, 2017–2021

DOI: 10.31857/S2949124X24060276, EDN: RJVNSX

Издание журналов Комитета западных губерний, подготовленное известными петербургскими историками Т.В. Андреевой, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидовым и Д.Н. Шиловым, вводит в научный оборот ценнейший исторический источник о подготовке и реализации масштабных правительственных мероприятий в Западном крае Российской империи после подавления польского восстания 1830–1831 гг.

Комитет западных губерний был учреждён 14 сентября 1831 г. и функционировал до 1848 г. Он представлял собой одно из высших и центральных государственных учреждений, которые были образованы в царствование Николая I при Комитете министров с целью упростить процедуру принятия решений и более оперативно и адекватно реагировать на различные проблемы, возникавшие в ходе осуществления правительственной политики в Западном крае. Наряду с другими высшими территориальными комитетами — Комитетом по делам Царства Польского, Сибирским и Кавказским

комитетами — ему были делегированы как законосовещательные, так и частично распорядительные функции по всем гражданским делам в регионе. Его можно рассматривать как своего рода региональное «особое присутствие» Комитета министров (а в определённой мере и Государственного совета), в задачу которого входило обеспечение взаимодействия между центральными ведомствами и генерал-губернаторами на окраинах империи¹. Позднее, накануне польского восстания 1863–1864 гг., это учреждение было восстановлено императором Александром II под названием Западного комитета и с новыми задачами.

Полное издание журналов Комитета западных губерний должно составить три тома, из которых два уже вышли в свет. В первый том включены журналы за 1831–1835 гг., во второй — за 1836–1840 гг. В третий том должны войти документы за 1841–1848 гг.

Зачастую на одном заседании комитета рассматривалось несколько вопросов, по каждому из которых составлялся отдельный журнал. При этом